

многим, на первый взгляд незначительным, деталям, автор книги тем не менее трезво подошел к решению общих проблем и, как нам представляется, пра-

вильно определил место рассмотренных им циклов и фрагментов в общем процессе художественного развития.

В. П.

#### Культура Византии. IV—первая половина VII в. М.: Наука, 1984. 726 с.

Византийская культура являла собой значительный этап в истории культуры человечества. Около тысячи лет она удерживала позиции лидера в средневековом мире. Влияние культуры Византии на соседние с ней народы было несомненным. Нередко культурное наследие Византийской империи определяется как феноменальное, неоднозначное явление. Характеризующие византийскую культуру глубина и созерцательность, торжественность и парадность, утонченность и благородство колорита, строгость и изысканность форм сочетаются с жесткой приверженностью канону, со стремлением уйти от всех проявлений индивидуального, с сухим традиционализмом. Познать своеобразие имманентно присущих этой культуре черт, выявить ее сущность, определить значимость можно, лишь исследуя ее как целостность, органически и нерасторжимо объединяющую в себе те компоненты, без которых эта целостность перестала бы быть единой.

Задаче воссоздания истории византийской культуры «как единой, целостной социокультурной системы» (с. 13) посвящена рецензируемая книга, представляющая собой первый из предполагаемых трех томов «Культуры Византии». Вышедший том — объемное исследование, состоящее из 20 глав, написанных коллективом четырнадцати авторов. Однако книга не производит впечатления разрозненных, объединенных лишь единой темой очерков. Продуманность композиции, внутренняя связанность глав, их концептуальное единство свидетельствуют о том, что на суд читателей представлена коллективная монография, появлению которой предшествовала долгая и, думается, сложная работа редакционной коллегии (отв. редактор — член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова). Авторский коллектив представлен давно известными в науке именами, без которых немислимы наши представления об историографии того или иного проявления культурной истории Византии.

Заслуживает одобрения стремление авторов книги к четкому определению предмета изучения, к понятийной стройности. Исследование открывается введением, содержащим обсуждение имеющихся в научной литературе вариантов термина «культура» и обоснование того понятия ее, которое положено в основу работы. Авторы книги избежали подмены понятия «культура» понятием «цивилизация», сведения культурной истории только к проявлениям духовной жизни общества. В основу исследования положено представление о культуре как о результате творческой, созидательной деятельности человека. Исходя из этого понятия, авторы исследования объеди-

нили в книге как духовную, так и материальную сферу культуры: философскую, политическую и эстетическую мысль, литературу и различные виды искусства, а также юриспруденцию, естественные науки, дипломатию, военное дело.

Исследование выполнено в едином методологическом ключе. В основе его лежит марксистско-ленинское учение о взаимосвязи и взаимообусловленности общественного и культурного развития человечества. Тезис о том, что история культурного развития в той или иной степени интенсивности, в более или менее строгой последовательности отражает общие закономерности исторического развития, является альфой и омегой проведенного исследования. Это и определяет то, что изложение истории культуры Византии первых веков ее существования открывается написанной З. В. Удальцовой главой, посвященной особенностям экономического, социального и политического развития Византии того времени (с. 14—41), причем в этом разделе выделены как раз те специфические особенности социально-экономического состояния в византийском обществе, которые определили типологические черты византийской культуры.

Заслугой авторов книги является то, что им удалось избежать столь распространенного в современной культурологии метода голых абстракций, общих рассуждений о духе культуры. Византийская культура представлена исследователями в ее реальном проявлении. На страницах тома оживают люди, творческой деятельностью которых много веков назад были созданы трактаты, стихи, речи, фрески, мозаики, дворцы, крепости, практические руководства по медицине, учебники, ожерелья и ларцы. Однако за реалиями культуры, передающими ритм, вкусы, наклонности, критерии описываемого времени, не исчезает проводимая в книге концепция культуры, сводящая частное к общему, позволяющая увидеть ранневизантийскую культуру в едином потоке.

В рецензируемой книге культура Византии IV—VII вв. не получила статичного отражения. Значительная ценность исследования заключается в том, что излагаемые проявления культуры рассматриваются в движении, в развитии, в постепенном изменении, накоплении новых качественных характеристик, но одновременно с сохранением того стержневого начала, которое представлено глубокими традициями. Практически каждая глава начинается с мысли о преемственности ранневизантийской культуры, ее связанности с культурой античности.

Используя образ, примененный С. С. Аверинцевым, можно сказать, что ви-

зантийская культура рассматривается коллективом авторов «на перекрестке» традиций. В книге заметно стремление выявить значение взаимных контактов византийской культуры во временном и в пространственных аспектах. Вполне органично в связи с этим вписывается в контекст книги глава «Особенности культурной жизни Запада (IV—первая половина VII в.)» (с. 78—97), написанная специалистом по западной культуре раннего периода В. И. Уколовой.

Одной из центральных является глава «Развитие исторической мысли» (с. 119—271), принадлежащая перу З. В. Удаловой. Исследовательницей подвергнуто систематизированному анализу творчество более двадцати авторов. Параллельно с выразительными, полными жизненной силы и изящными по колориту и манере изложения очерками о каждом из представителей ранневизантийской историографии в работе представлена общая характеристика творчества светских историков, церковной историографии с ее ортодоксальными и еретическими направлениями, а также хронографии. Ученый касается не только вопросов специфики, достоверности и степени информативности трудов того или иного направления в ранневизантийской историографии, но и сущности историко-философской основы исторических сочинений. Глава содержит анализ вопросов пространственно-временного континуума, каузальности, провинциализма, отраженного в историографическом наследии ранней Византии. Представленный в главе материал, отразив период становления византийской исторической мысли, дает прочный фундамент для изучения дальнейшего развития и динамических изменений в византийской историографии последующих столетий.

Творчески написанная Г. Л. Курбатовым глава «Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция» (с. 98—118) в большей своей части посвящена выявлению генетики ранневизантийской политической концепции. Автор видит синтезирующие компоненты в антично-эллинистических традициях, римской государственности и христианстве. Убедительно показана преемственная связь византийской монархии с греческим городом-государством, политической теорией византийцев с теорией гражданской общины, поскольку полис и традиции его политической жизни были присущи Византии вплоть до VI—VII вв. Г. Л. Курбатов доказательно проводит также логическую нить от идеи автократии эллинистического периода до византийской концепции государственности. На основе анализа политических теорий времени принципата и домината автор рассматривает пути постепенного формирования концепции императорской власти и значение победы римской государственной традиции. Идеи христианства способствовали оформлению теории ойкуменизма. Однако, как убедительно показано в главе, в ранневизантийскую эпоху не произошло слияния политической

теории и христианской концепции власти. В главе намечены пути последующей трансформации идеи византийского ойкуменизма и государственности. Заслуживают внимания наблюдения автора о сущностных различиях формирующейся византийской монархии и восточной деспотии. Ценность наблюдений автора повышается в связи с тем, что становление политической теории рассматривается в тесной связи с реальной политической ситуацией в ранневизантийском обществе.

Философское творчество византийцев как компонент ранневизантийской культуры является в книге объектом исследования С. С. Аверинцева. Глава «Эволюция философской мысли» (с. 42—77) открывается экскурсом методологического характера, выявляющим критерии понятия «философия». Автору удалось очень тонко препарировать органическое двуединство философии и богословия в целях отчленения складывающейся системы философских воззрений. Убедительна его система доказательств по поводу неправомерности употребления термина «христианская философия». «Пеструю панораму» философского творчества ранневизантийского периода С. С. Аверинцеву удалось представить в системном виде выделением основных черт, характеризующих его. Философскую мысль ранней Византии автор оценивает, видя в ней непосредственное продолжение позднеантичной философии. В главе рассмотрено творчество непосредственных предшественников византийской философии — Посидония из Аппамеи, Филона Александрийского, Плотина, Порфирия, Ямвлиха из Халкиды, Прокла Диадоха. Не только отсылка к именам предшественников, но и наблюдения за концепциями, питавшими корни ранневизантийской философской мысли, выявляют тот принцип историизма, с позиций которого автор главы исследует проблему. Эволюция философии в главе рассматривается не изолированно, но в реальной среде общественно-политической, идейной и культурной жизни. Трудно было бы понять характер философской мысли IV—первой половины VII в., если не учитывать, что она была системой мышления теологизирующейся эпохи, эпохи становления авторитарной вселенской державы. Развитие христианско-платонических традиций после Оригена рассмотрено автором на творчестве каппадокийского кружка (Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский и др.). Глава заканчивается этюдом о Псевдо-Дионисии Ареопагите, творческая деятельность которого была стремлением решить задачу «неоплатонического осмысления человеческого сообщества». К сожалению, автор, столь выразительно вскрывший внутренний динамизм философской мысли на протяжении нескольких столетий, оборвал эту тему на финальной ноте этюда, не дав выходов на последующую историю византийской философии.

Перу С. С. Аверинцева принадлежит и глава о ранневизантийской литературе

(с. 272—330). В основу ее положена концепция автора, изложенная им в труде «Поэтика ранневизантийской литературы» и в ряде статей, предшествующих появлению монографии. Автор характеризует литературу (как и культуру в целом) ранней Византии как «пограничное» явление (с. 274) в пространственном и временном смыслах, поскольку Византия разделяла балкано-италийский Запад и сирийско-коптский Восток и, по временной шкале, отделяла античность от средневековья. Правда, одновременно автор утверждает, что последняя грань была «расплывчатой, размытой» (с. 276). Переход к средневековью в литературе, по мнению автора, был более плавным, чем в других сферах культуры. Плавность развития доказывается как примерами использования византийского стиля в «довизантийское» время («Византия до Византии»), так и противоположными вариантами. С. С. Аверинцевым на материале различных жанров литературы показан процесс постепенного синтеза, «инкорпорирование» элементов старого в словесность переходного периода. В эволюции литературы, ее жанров, тем, образов, стилистики автор видит отражение изменений мировоззренческого характера. Языковая манера С. С. Аверинцева обладает необычайной силой выразительности: она позволяет читателю не только познать разумом, но и ощутить чувствами всю необычность византийской литературы. Украшением главы, несомненно, является пассаж о гимнографии: здесь все названные принципы анализа и характеристик достигают своего предельного выражения (с. 317—327).

К разделу о ранневизантийской литературе примыкает написанная Г. Л. Курбатовым глава «Риторика» (с. 331—357). Необходимость выделения подобной главы диктовалась, как думается, особым значением этого жанра в последующих судьбах византийской литературы; кроме того, ранневизантийская риторика отличалась высоким гражданским назначением, что ставило ее несколько в особый ряд по сравнению с другими литературными жанрами. Г. Л. Курбатов дал полную динамику картину развития риторики — от деятельности языческих и полужязыческих риториков и христианских проповедников IV в. до парадной риторики более позднего времени. Риторское искусство Ливания, Фимистия, Василия Великого, Иоанна Златоуста и многих других представителей этого жанра литературной деятельности получило в главе индивидуальные и выразительные характеристики. Г. Л. Курбатовым обращено внимание не только на развитие риторики как литературного жанра, но и на связанность ее с социально-политической жизнью ранневизантийского общества и идейной борьбой этого времени.

Вопросы становления ранневизантийского юридического образования и развития правовой науки освещены в книге (с. 358—370) известным специалистом по истории культуры и права Византии Е. Э. Липшиц, перу которой принадле-

жат монографические исследования названных проблем. В главе прослежены судьбы известных центров юридического образования — Бейрутской школы, Константинопольского университета. Исследовательницей по возможности восстанавливаются реалии правового образования — программы, учебные планы, методы преподавания, освещена деятельность профессоров права Кирилла Патрикия, Теофила, Стефана и др. Выявляя существенное значение римских традиций в сфере права, Е. Э. Липшиц отмечает появление в византийское время новых форм — Кодексов законов (первым официальным сводом законов был Кодекс Феодосия 438 г.). Спецификой византийского права являлось стремление к систематизации материала, к созданию справочников, указателей к сводам со ссылками на параллельные места (Синописис, Типукейтос). Автором также отмечено отсутствие в Византии в отличие от античного времени юридических сочинений проблемного характера, а также стремление византийских редакторов при экскерпировании классических текстов превращать их в более абстрактные, лишенные конкретных деталей. В главе отмечены черты нового в мировоззренческой основе ранневизантийского законодательства.

З. В. Удальцовой написана специальная глава, посвященная такому виду творческой деятельности византийцев, как дипломатия (с. 371—392). Без этой главы коллективный труд по исследованию ранневизантийской культуры был бы беднее, ибо вклад византийцев в сферу оформления ритуала и традиций международных отношений несомненен. З. В. Удальцова восстанавливает реалии дипломатических приемов, путей византийских послов ко двору иностранных государств, церемоний вручения грамот и заключения договоров, организации пиришеств в честь прибывших послов, процедур обмена дарами. Автором определены принципы дипломатической деятельности, организации дипломатического дела в Византийской империи. Источниковой основой главы являются свидетельства современников, принимавших непосредственное участие в дипломатической практике. — Приска Панийского, Петра Патрикия. Нонноса, а также писателя конца VI—начала VII в. Менандра Протиктора.

Вопросы военного искусства Византии освещены в рецензируемой книге известным и единственным в нашей стране специалистом по этой проблеме — В. В. Кучмой. Сравнением двух памятников военно-теоретической мысли рассматриваемого периода — «Византийского Анонима VI в.» и «Стратегикона Маврикия» — автор доказал несомненную динамику в этой сфере. Последний из названных источников отразил тот этап в эволюции военной организации империи, когда старая регулярная армия уступила место ополчениям, которые будут характерны для периода феодального строя. В. В. Кучма обобщил причины и результаты активизации военно-теорети-

ческой мысли византийцев на рубеже VI—VII вв.

Обзор состояния знаний византийцев в сфере естественных наук проведен З. Г. Самодуровой (с. 408—431). Отмечая непосредственную преемственность этой сферы знаний с античной наукой, автор сделала акцент на присущей рассматриваемой эпохе не теории, а практике применения естественнонаучных знаний. В главе рассмотрены сферы и уровень применения математических знаний, состояние астрономии и ее соотношение с астрологией, объем знаний по естествознанию, механике, оптике, физиологии, ботанике, зоологии, медицине, а также по химии, которая как наука в Византии не существовала, но была представлена в практике изготовления красителей и лекарств. Главное значение рассматриваемой эпохи для развития в империи естественнонаучных знаний автор усматривает в сохранении и передаче будущим поколениям достижений античности.

Развитию географической мысли ранней Византии посвящена специальная глава, написанная О. Р. Бородиным (с. 432—466). Географические знания византийцев, находясь в прямой зависимости от традиций античности, в то же время испытывали значительное влияние со стороны патристики. Теоретические изыскания в этой сфере шли в основном по пути экзегезы и были зависимы от библейской традиции. Однако эпоха была богата географическими памятниками практического значения — индексами, периплами, итинерариями. Автор, разделяя общую для рецензируемого издания концепцию, считает, что творческие усилия географов раннего времени закрепили и сохранили античное наследие.

Несколько разбивает строгий композиционный ритм книги написанный З. В. Удальцовой очерк о Космее Индикоплове и его «Христианской топографии» (с. 467—477). Выразительный портрет византийского мореплавателя и писателя великолепно дополняет характеристику духовной жизни Византийской империи переходного периода, делая ее более зримой. З. В. Удальцовой даны анализ литературно-научного творчества Космы и оценка мировоззренческой противоречивости автора, соответствующей противоречиям общества переходной эпохи.

Характеристика ранневизантийского образования и образованности нашла отражение в главе «Школы и образование» (с. 478—503), написанной З. Г. Самодуровой. Автором представлен обзор программ школьного обучения, учебных пособий и лексиконов, дано соотношение дисциплин тривиума и квадравиума, определена география ранневизантийской школы. В целом в главе прослеживаются традиции классической системы образования.

Эстетическое кредо ранневизантийской культуры нашло отражение в главе «Формирование основных принципов византийской эстетики» (с. 504—545),

написанной известным специалистом по этой проблеме В. В. Бычковым. Автор, не касаясь всей сферы эстетического сознания, останавливается лишь на «вербальных» источниках, непосредственно отражающих эстетические взгляды византийцев. Высокое значение эстетической сферы восприятия мира в рассматриваемое время определялось, по наблюдениям автора, идеализацией христианством духовного наслаждения. В силу этого некоторые эстетические феномены (свет, цвет) подверглись сакрализации. Исследователь прослеживает, как многие философские проблемы в отражении «отцов церкви» преломлялись в эстетические категории. Вселенная интерпретировалась как идеально прекрасное творение, соответствующее законам гармонии. Рассматривая роль образа в общей концепции византийской эстетики, автор выделяет значение учения Псевдо-Дионисия о соотношении катафатического и апофатического способов обозначения божества. Подобного рода представления способствовали развитию символично-аллегорических тенденций во всех жанрах искусства. Этому содействовал, как отмечено в главе, и многоуровневый подход к толкованию библейского текста. Выразительно интерпретирована автором эстетика аскетизма, определенная как этическая эстетика, эстетика созерцательной жизни. Объектом исследования эстетических взглядов византийцев явились для В. В. Быčkova и экфрасисы, позволившие выявить отношение византийских мыслителей к искусствам. Толковательный экфрасис, как показано в главе, носил образный, или знаково-символический, характер. Следует заметить, что приведенные в главе исследовательского характера наблюдения могли бы быть расширены за счет круга византийских авторов, а также выходом за пределы чисто философские (эстетика композиции литературного произведения, эстетика византийского церемониала и т. д.)

Главы по ранневизантийскому искусству — «Изобразительное искусство» (с. 546—572), «Архитектура» (с. 573—595), «Прикладное искусство» (с. 596—613) и «Становление музыкальной культуры» (с. 614—631) — написаны известными своими исследованиями специалистами-искусствоведами О. С. Поповой, А. И. Коменем, Е. В. Герпманом, а также немного не дожившей до появления тома А. В. Банк, стоявшей во главе исследовательских штудий в области византийского искусства. Основной акцент в названных частях работы сделан на выявлении генетических корней ранневизантийского искусства, на поисках художественного языка, соответствующего характеру эпохи. В аналитическом обзоре различных жанров искусства выявлены пути становления тех форм, с которыми позднее будет связано проявление «византизма» в сфере искусства.

Быт и нравы ранневизантийского общества представлены в книге исследованием А. А. Чекаловой (с. 632—667).

Объектом ее наблюдений явились различные атрибуты повседневной жизни византийцев — от характера интерьера жилищ до пищи, одежды, причесок, украшений. Характеристики социально обозначены автором и по возможности дополнены региональными вариантами. На богатом материале источников ранневизантийской эпохи описаны автором развлечения, обряды, празднества, зрелища, принятые в империи. А. А. Чекаловой систематизирован большой материал, касающийся положения женщины в обществе, семьи, брака, образа жизни. Изложение отличается изящная языковая манера, соответствующая характеру темы и углубляющая выразительность ее сюжетов.

Результаты коллективной работы по исследованию ранневизантийской культуры подводятся в написанном З. В. Удальцовой заключении «Основные направления развития византийской культуры IV—первой половины VII в.» (с. 668—684). Ранневизантийская культура рассматривается как существенный этап в формировании мировоззрения византийского общества, в основу которого легли традиции культуры языческого эллинизма и принципы христианства, ставшего официальной религией. Наблюдение трансформации проявлений культуры в самых различных ее сферах приводит к выводу, что одной из существенных особенностей византийской культуры является ее «открытость» тем культурным импульсам, которые она получала от соседних народов, а также от того многоэтничного населения, которое жило в пределах империи. Испытывая значительное влияние культуры народов Востока, византийская культура в своей основе была, несомненно, грекоримской. В Византии имел место тот «органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества» (с. 684), которого не знал средневековый Запад. Ранневизантийская культура складывалась в период, который отличался борьбой противоречий, яростными идейными столкновениями. Общие выводы о характере и направлениях развития ранневизантийской культуры основаны на содержащихся в различных разделах книги аналитических наблюдениях и представляются обоснованными.

Однако следует отметить, что при всей убедительности и высокой степени доказательности при рассмотрении процесса становления ранневизантийской культуры во временном аспекте, в вертикальной последовательности, контакты, взя-

тые в горизонтальном срезе, освещены гораздо беднее. В частности, внутренние связи с восточной культурой и идеологией нашли отражение лишь в отдельных главах, причем порой «выход» на восточный материал носит лишь характер констатации наличия влияния или отрицания его. В немногих разделах рассмотрен сам процесс воздействия, проявление диффузии культур.

Сравнение с Западом не достигает в книге своего эффекта в связи с тем, что характеристика культуры западных стран, помимо очерка о сущности религиозной борьбы и разногласий, ограничена лишь несколькими именами (Бозций, Кассиодор, Исидор Севальский и немногие другие). Включение в обзор культурного развития Запада даже самого минимального материала о состоянии архитектуры (мавзолей Теодориха), прикладного искусства (вестготские фибулы) позволило бы соизмерить византийскую и западную культуру по возможно большему количеству параметров.

Разумеется, в таком объемном труде, написанном коллективом авторов, при удачной в целом компоновке материала не удалось избежать некоторых повторов и содержательных «накладок». Так, кружок «великих каппадокийцев», деятельность которого была в книге темой многократных наблюдений, порой получал презентацию без учета последовательности глав (ср., например, с. 69, 298, 344 и др.).

Следует заметить, что «Культура Византии» удачно решена в полиграфическом отношении. Верно найденный формат — немного удлинненный. благородных тонов суперобложка, удачное расположение иллюстративного материала дополняют восприятие книги. Приходится лишь сожалеть, что количество цветных иллюстраций сведено до минимума. Осложняет работу с книгой отсутствие в ней списка иллюстраций, карт, схем.

В целом появление первого тома «Культуры Византии» можно считать значительным явлением в советской историографии, культурологии и в международном византиноведении. Исследование процесса становления византийской культуры, предельно четкое в методологическом отношении, покоящееся на огромном материале памятников эпохи, представляет первый подобного рода труд. Удачное начало работы позволяет предположить, что последующие тома по исследованию культуры Византии будут выполнены на столь же высоком уровне.

М. А. Поляковская